

Александр Ережов

A person with a backpack is walking away from the viewer on a winding asphalt road that curves through a mountainous landscape. The road is flanked by rocky hillsides and sparse trees. In the distance, a large, bright moon hangs in a sky transitioning from a warm orange sunset to a dark blue twilight. The overall mood is contemplative and surreal.

**ВЕРНУСЬ
ЧЕРЕЗ 10 ЛЕТ**

Александр Ерезов

Вернусь через 10 лет

<https://litres.ru/74078239>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кристофер Вэнс потерял всё в один день. Чтобы сбежать от удушающего горя, он соглашается на отчаянный шаг — десятилетнюю одиночную миссию на лунной базе "Артемида-1". Проведя 3650 дней в абсолютном вакууме и тишине, он возвращается на Землю. Но готов ли мир 2043 года принять человека, который заново учится ходить, чувствовать и жить?

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
ПРОЛОГ	6
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	22
ГЛАВА 3	37
«20 ЛЕТ НАЗАД. ОКРАИНА БИГ-СКАЙ, МОНТАНА»	37
ГЛАВА 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Александр Ерезов

Вернусь через 10 лет

ПРЕДИСЛОВИЕ

Прежде чем вы погрузитесь в чтение, я хочу предупредить: история, которая развернется перед вами, не лежит на поверхности. Это исследование внутренних механизмов человеческой души. Я прошу вас внимательно вглядываться в каждого персонажа, в то, как они мыслят и какие решения принимают. Эта книга — отражение того, что происходит с нашим миром сегодня. О том, как человечество из поколения в поколение упрямо повторяет ошибки, которые веками вели его к гибели.

Мне хотелось напомнить о самом главном, о чём мы все благополучно забыли. Моя цель — запустить необратимый процесс в сознании общества, заронить в умы мысли, которые сегодня важны как никогда. Достаточно просто посмотреть на улицы наших городов, заглянуть в ленты новостей: бесконечные конфликты, насилие, разделение... Разве это то, что действительно нужно человеку? Я убежден, что нет.

Скажу вам больше: психология, внутренние установки и мотивы главного героя во многом автобиографичны. Его характер, конфликты, резкие смены настроения и самые со-

кровенные мысли я пропустил через себя и передал ему. Поэтому, листая эти страницы, вы сможете заглянуть мне в душу и узнать меня близко. Мы не знакомы лично, но на этих двухстах страницах вы увидите всё, что происходило и происходит у меня внутри. А поскольку в своих страхах и надеждах мы все похожи, я верю, что вы сможете отыскать отражение Криса Вэнса и внутри себя. И, возможно, наконец-то отчетливо его увидеть.

ПРОЛОГ

Сколько лет своей жизни я провел в мыслях о том, как хочу сбежать с этой планеты. Подальше от толпы, от вечно-го шума, чтобы наконец остаться наедине с собой хотя бы на неделю. Мне казалось, что человек — глубоко неидеальное, порочное и самовлюбленное существо; я подмечал это в каждом случайном прохожем и откровенно ненавидел. Мир выглядел рынком, где каждый пытается использовать другого в своих целях. Люди одержимы жадной охотой, но когда они получают власть, им всегда становится мало. Столько войн на Земле развязывалось и развязывается из-за одного-единственного слова, задевшего чье-то раздутое, обиженное эго.

О человеческой природе можно сказать много темного. Но парадокс в том, что в каждом из нас скрыто столько же хорошего. Вокруг нас — тонны прекрасного, осязаемого чуда. Но мы разучились смотреть по сторонам. Мы заиклены, упрямо движемся к собственной смерти в слепой суе, даже не пытаюсь остановиться, сделать вдох и просто осмотреться.

К слову, об одиночестве. Я добился своего. Получил именно то, о чем так неистово умолял судьбу, но оказался совершенно не готов к тому, что абсолютная пустота может наскучить. От местной тишины не просто закладывает

уши — от неё буквально звенит в черепной коробке. Иногда мои мысли в этой стерильной изоляции становятся настолько оглушительными, что за их грохотом я перестаю слышать собственное дыхание внутри скафандра.

Жалею ли я о том, что сделал? Нет. Этот ледяной душ был мне жизненно необходим. Если бы не всё, то адское пламя, через которое мне пришлось пройти на Земле, я бы сейчас не смотрел на нее из иллюминатора лунной базы.

Отсюда, с расстояния в четыреста тысяч километров, я вижу истину. С одной стороны, Земля выглядит как идеальная, наикрасивейшая тюрьма, из которой нет выхода. А с другой — как хрупкий, сияющий шар, переполненный миллионами переплетенных возможностей и судеб. И я — часть этого шара.

ГЛАВА 1

Сегодня важный день: я веду свадьбу у дочери мэра. Честно говоря, такой масштаб у меня впервые, и в груди всё немного подрагивает. Нужно быть на высоте. На кону стоит слишком многое. Если всё пройдет гладко, посыплются рекомендации, крупные заказы и совсем другие, серьезные деньги... Глядишь, наконец-то смогу чаще возить семью к океану или сменить старую машину. Впрочем, нечего загадывать наперед. Сначала нужно отработать. Просто подарить этим ребятам праздник, который они запомнят на всю жизнь.

Мои мысли прервал Тони, вихрем влетевший в уборную. Дверь с грохотом ударилась о стену.

— Крис, пора! Скоро начало, — он нетерпеливо махнул рукой в сторону коридора. — Пойдём, надо еще разок пробежаться по таймингу.

— Да, иду, — я бросил мимолетный взгляд в зеркало, поправляя воротник пиджака. — Дай мне минуту.

Тони — мой лучший друг и моя правая рука. Это была его безумная идея — податься в ивент-индустрию, и вот уже три года мы работаем в неразрывной связке. Он за диджейским пультом, я — с микрофоном. Я чертовски благодарен ему: с ним я действительно начал выбираться из долгов и нормально зарабатывать. Помню, как начинал с копеечных детских

утренников... Если честно, я и сейчас иногда за них берусь. Взрослые слишком быстро наскучивают своим фальшивым пафосом, скрытой ложью и пьяным, тяжелым высокомерием под конец вечера. А с детьми всё иначе. Им не нужен алкоголь, чтобы искренне радоваться жизни. Они — настоящие. В них нет масок, которые мы все надеваем по утрам.

Тони подвёл меня к пульту, на ходу проверяя фейдеры и подмигивая знакомым официантам. Вокруг нас всё сверкало от дорогого хрусталя и неоновых огней.

— Смотри, план такой: я врубаю вот этот лирический трек, как только ты выйдешь на сцену и начнёшь толкать речь. Ну, про важность момента, слёзы счастья и всю эту сентиментальную хрень. — Тони бегло, профессионально пробежался пальцами по клавишам микшера. — Гости пустят слезу, папаша-мэр растрогается, а мы сразу подхватим их вот этой динамичной темой, чтобы толпа не закисло. В общем, играем на эмоциях, Крис. Весь день держим гостей в тонусе.

Но я уже не слушал Тони. Я замер, невольно поймав обрывок разговора жениха со свидетелем, которые стояли чуть поодаль, за декоративной цветочной аркой.

— Слушай, я рад даже больше, чем она, — жених ухмыльнулся и одним глотком опустошил бокал с шампанским. — Сам понимаешь, что этот день значит. С её папашей я наконец-то устраюсь в этой жизни. Кто-то пашет десятилетиями, ломая хребет, а тут — просто чистая удача. Теперь мне все дороги открыты.

Внутри у меня что-то оборвалось. Снова. Я-то наивно надеялся, что хоть в этот раз, на таком уровне, всё будет по-настоящему, по любви... Но на поверхность опять всплыли грязные «нюансы». Фальшь ударила в голову почище любого алкоголя.

— Тони, подожди, — я осторожно коснулся его плеча и кивнул в сторону жениха. — Ты слышишь это? Он женится ради карьеры и выгоды. Как я должен вести эту церемонию и улыбаться после такого?

— Ты до сих пор не привык? — Тони даже не оторвался от экрана ноутбука, продолжая сводить треки. — Мир такой, какой он есть, Крис. А ты всё ждёшь от него каких-то сказочных чудес. Слушай, сегодня нам платят вдвойне. Подумай хотя бы о своей семье и о деньгах.

Для меня этот праздник закончился, так и не успев начаться. Может, Тони и прав? Может, я действительно реагирую слишком остро, и пора бы уже привыкнуть к тому, как цинично устроен этот мир? Заткнуться, натянуть дежурную улыбку и просто сделать свою работу...

Но эта ложь жгла изнутри, не давая дышать. К чёрту деньги. Выходить туда и говорить заученные, приторные фразы про вечную любовь, «пока смерть не разлучит», и тому подобный бред — это было выше моих сил. Это значило предать самого себя.

«Я знаю, что сделаю, — Я скажу правду. Пусть я буду выглядеть глупо, пусть меня посчитают безумцем и вышвырнут

отсюда, но это будет честно».

Гости на лужайке уже томились в ожидании. Кто-то искренне ждал красивого поцелуя молодой пары, а кто-то пришёл просто набить желудок дорогой едой и оттянуться на хляву. Идеальное место, тихая, зеркальная гладь озера, безупречный солнечный день... И ведущий, который вот-вот разорвет эту сытую идиллию в клочья.

Тони, ничего не подозревая, подмигнул мне и врубил ту самую волнительную, лирическую композицию для кульминации. Шоу начиналось.

Я сделал глубокий вдох, шагнул на залитый солнцем подиум и обвёл взглядом замерших гостей. Мои пальцы крепче сжали холодный микрофон. Голос, усиленный динамиками, тяжелым эхом разнёсся над безмятежной гладью озера.

— Согласитесь, чудесный день, — начал я, и мой голос, раскатившись над лужайкой, заставил гостей притихнуть. — Всё как будто шло к этому моменту: случайная встреча, робкие взгляды, искренние клятвы...

Я на мгновение замолчал. В этой внезапной паузе отчетливо стал слышен только тихий плеск воды о берег и сухой шелест озерной листвы. Стоящие передо мной молодожены смотрели на меня с легким недоумением.

— Все ждут того самого поцелуя, после которого начнётся новая, крепкая совместная жизнь, — продолжил я, чувствуя, как внутри натягивается струна. — Но прежде... Вы сами уверены в том, что сейчас затеяли?

— Да! — хором, не задумываясь, выдохнули влюблённые.

— Какой уверенный ответ, — я едва заметно, горько усмехнулся. — Вопросов ни у кого нет. Я вижу искренность в ваших глазах. Но перед тем, как объявить вас мужем и женой, я должен сказать кое-что важное. Не только для вас, но и для всех, кто собрался здесь, на этом роскошном берегу.

Я выдержал тяжелую паузу. Весёлый, сытый гул толпы мгновенно сменился неудобной, звенящей тишиной. Официанты замерли с подносами.

— Сегодня дочь нашего уважаемого мэра выходит замуж. Громкое, красивое событие. Но не закралось ли у вас сомнение? Не кажется ли вам, дорогие гости, что этот союз — больше про статус и карьеру, которые получит жених, вступая в эту влиятельную семью, чем про чистую любовь?

— Крис, твою мать, что ты творишь?! — яростно прошипел Тони. Я боковым зрением видел, как он побледнел за своим пультом, лихорадочно пытаюсь убавить громкость моего микрофона.

Но я его уже не слышал. Я смотрел на застывшие, натянутые улыбки гостей. Маски начали трескаться.

— А я вам скажу, дорогие друзья. К сожалению, этот день ничем не отличается от сотен других. Это не праздник любви. Это просто выгодная сделка.

— Хватит! — Мэр резко сорвался со своего места в первом ряду, перебивая меня на полуслове. Его лицо налилось пунцовым, багровым цветом от ярости. — Всем здесь всё и

так прекрасно известно, парень! Не порти людям праздник. Просто делай свою чертову работу. Скажи то, что должен сказать по сценарию!

Такого отпора я не ожидал. Земля словно ушла у меня из-под ног. В своих мыслях я рисовал совершенно другую картину: я думал, что буду гордиться собой — вскрыю ложь, брошу микрофон на подиум и уйду непобежденным героем. Но вместо триумфа внутрь ледяным потоком хлынула абсолютная, выжигающая пустота.

Гости смотрели на меня не с яростью, а со скукой и раздражением — как на дурака, который устроил глупую сцену. Хотя я всё сделал по совести. Что-то в этом мире явно было в корне не так. Или, может быть, это я сам сбежал с какой-то другой планеты?

Я на мгновение полностью потерял дар речи. Воротник рубашки стал удушающе тесным. Я ведь всерьез, наивно верил, что оказываю услугу этой девчонке-невесте и её отцу, вытаскивая правду наружу. Но выяснилось, что ложь здесь всех устраивала. Все были к ней готовы, все приняли её правила. Все, кроме меня.

Мне больше ничего не оставалось. Ситуация была проиграна. Сглотнув вязкую, горькую слюну и едва удерживая дрожь в руках, я снова поднёс микрофон к губам и выдал заученную фальшивку:

— Дамы и господа! Впервые как муж и жена — Майкл и Эмма!

Я резко развернулся и пошёл прочь с подиума, прочь с этого проклятого берега. Вслед мне Тони тут же включил что-то вызывающе лёгкое, попсовое и позитивное — ему нужно было поскорее замазать, утопить мою правду в громкой музыке, чтобы испуганные гости снова почувствовали себя в безопасности и вернулись к своим маскам.

Я шел мимо шатров, глядя на всё это чужое празднество, на эти столы, ломящиеся от бесчисленного количества дорогой еды, на эти радостные, фальшивые лица... Но лица ли это были? Удивительно и страшно: они ведь знали всю грязь с самого начала, с первой секунды, но это ни на мгновение не помешало им веселиться дальше.

Тони нагнал меня уже у самой парковки, когда я подходил к машине.

— Какого чёрта ты творишь?! — тяжело задыхаясь от бега, он мертвой хваткой вцепился в мое плечо и резко развернул к себе. — Куда ты собрался, Крис? Мы ещё не закончили, там люди ждут!

Я медленно перевёл на него свой пустой, выгоревший взгляд.

— И какой смысл мне там оставаться? — я спокойно, но твердо сбросил его руку со своего плеча. — Я облажался, Тони. Я просто хотел быть честным. Но в этом месте честность выглядит как чистое безумие.

— Да тебе же не заплатят ни цента! Ты об этом вообще подумал?! — Тони в полном отчаянии всплеснул руками, гля-

дя на меня как на умалишенного.

— Плевать. Мне и самому теперь не нужны эти деньги. Не после того, что я здесь услышал.

Я отвернулся от него, глядя на серую ленту дороги, которая уходила прочь от озера, в сторону далеких, молчаливых гор Монтаны.

— Ты продолжай, — бросил я, не оборачиваясь. — Весели их дальше. Потом расскажешь, как всё прошло. Увидимся.

Тони больше не пытался меня остановить. Я чувствовал спиной, как он просто стоит посреди парковки и смотрит мне вслед, пока я не скрылся за деревьями. Я кожей ощущал его немой вопрос, который буквально повис в прохладном озерном воздухе: «Зачем? Бросить всё, подставить самого себя... и ради чего? Ради какой-то призрачной правды?»

Я знал Тони с самого детства и слишком хорошо понимал, что сейчас происходит у него в голове. Между нами впервые пролегла невидимая, глухая пропасть. Тони ведь тоже прекрасно видел, что всё происходящее на этом берегу — лишь дорогая фальшивая декорация. Но он был готов с этим мириться. Он умел вовремя закрывать глаза, когда это было выгодно. А я — не умел. И в этот момент я еще не знал, в чем моя главная беда. Или моя единственная сила.

Я дошёл до машины, тяжело рванул на себя дверь и буквально рухнул в салон своей синей «Вольво». Положил руки на руль и навис над ним, уткнувшись лбом в холодную ко-

жу. Внутри кипел ядовитый, удушающий коктейль из дикой злости на этих циничных людей и жгучего, липкого стыда за то, что я только что у всех на глазах утворил.

Разум запоздало начал трусить. «Ох, дурак, лучше бы ты промолчал... Зачем полез?» — лихорадочно пронеслось в голове. Я заставил себя сделать несколько глубоких вдохов, с трудом взял дрожащие руки в кулак и повернул ключ в замке зажигания. Двигатель отозвался глухим ворчанием, руль привычно завибрировал под ладонями. Я включил передачу и медленно выехал со стоянки, оставляя эту ярмарку лицемерия позади.

Я ехал мимо одинаковых вечерних домов и тусклых витрин, судорожно пытаюсь собрать себя по кускам и сохранить остатки самообладания. Это был по-настоящему паршивый, выматывающий день. Один из тех дней, когда сдираешь кожу и слишком отчетливо понимаешь, насколько всё прогнило вокруг.

Иногда я почти жалел, что так сильно отличаюсь от остальных. Слишком много дурацких терзаний, слишком много давящей тяжести в груди после каждого такого «подвига». Кому я в итоге что доказал? Никому. А ведь уходя утром, я твердо пообещал Джоди, что принесу сегодня домой хорошие, легкие деньги. Полный, безоговорочный аут.

Джоди ждала меня дома с победой. Она уже наверняка уложила дочек спать и накрыла стол — приготовила мои любимые блюда, устроив маленький праздничный ужин в

честь крупного гонорара, которого больше физически не существовало. Пока я крутил руль, она там, в нашей теплой кухне, должно быть, всюю мечтала. Представляла, как мы наконец-то сорвемся из Монтаны в Калифорнию, как девочки впервые в своей жизни увидят океан... Она и не подозревала, какой ледяной, мертвый холод я несу сейчас в кармане своей пустой куртки.

Вся ирония была в том, что мы совсем недавно, купили свой первый собственный дом. Свободных денег после этой сделки практически не осталось — мы выскребли всё до последнего цента, и каждая сотня долларов была у нас на строгом счету. Поездка к океану и так была для нашего бюджета тяжелой, почти неподъемной роскошью, а теперь я и во-все разорвал эту призрачную мечту в клочья своим длинным языком.

Что мне сказать ей, когда я переступлю порог? «Привет, Джоди, твой муж сегодня решил побыть честным праведником, так что океана в этом году не будет»? Или трусливо предложить влезть в новые, удушающие долги ради этой поездки?

Я сжал руль до белых костяшек, чувствуя, как внутри всё горит от бессилия. Я знал свою жену много лет. Она всегда, несмотря ни на что, была на моей стороне, она тоже искренне верила в честность и правду. Но захочет ли она платить за эту мою правду мечтой наших собственных детей?

Потерявшись в этой удушающей ярости на самого себя, я

и не заметил, как вылетел на оживленный перекресток. Крово-красный свет вспыхнул прямо перед глазами, но тормозить было уже поздно. Моя «Вольво» на сумасшедшей скорости чудом проскочила в узкий, смертельный зазор между двумя автомобилями под оглушительный визг тормозов и яростные, протяжные сигналы клаксонов.

— Чёрт! — я со всей силы ударил ладонью по рулю, чувствуя, как по позвоночнику мгновенно пробежал ледяной пот. — Ещё не хватало сегодня просто не доехать до дома...

Я сбросил скорость, но сердце продолжало лихорадочно колотиться о рёбра. Остаток пути я проехал в странном, почти осязаемом оцепенении. В машине повисла тяжелая тишина, сквозь которую проступало отчетливое понимание: сегодняшней день изменил в моей жизни гораздо больше, чем просто баланс на банковском счете. Я словно пересёк невидимую черту, за которой старые правила больше не действовали.

Отрезвевший и опустошенный, я добрался до дома.

— Она поймёт, — упрямо, прошептал я себе под нос, поворачивая ключ в замке зажигания и глядя на тускло освещенные окна нашей новой кухни. — Она обязана меня понять.

Я открыл входную дверь и вошёл в прихожую почти бесшумно, стараясь не потревожить чуткий сон спящих дочек. Знакомый, родной запах домашнего ужина — ванили, запеченного мяса — и уютная, мягкая тишина родных стен на

одно короткое мгновение согрели меня изнутри. Но это тепло тут же безжалостно смыло новой, еще более мощной волной удушающей вины. Несдержанное, растоптанное утреннее обещание висело на моих плечах тяжёлым грузом — я ощущал его физически, и оно сейчас казалось мне намного тяжелее любой лжи, которую мне когда-либо приходилось слышать от других людей.

Джоди тихо вышла в прихожую, вытирая руки кухонным полотенцем. Радостная улыбка на её лице погасла мгновенно, стоило ей только взглянуть в мои глаза.

— Крис, что-то случилось?

Я не ответил сразу. Я просто молча, медленно опустился на деревянную банкетку у двери, даже не пытаюсь развязать шнурки на туфлях. Сил не было.

— Сегодня был единственный день в моей жизни, — мой голос надломился, — когда я пострадал за правду сильнее, чем за самую подлую ложь.

Джоди медленно опустила руки. Праздничный стол за её спиной, свечи, старательно приготовленный ужин — всё это в один миг стало лишним.

— Значит... Калифорния отменяется?

Я отвёл взгляд.

— Прости. К сожалению, да.

— Но как же так? Дети... они ведь только об этом и говорили всю неделю. Да и я сама...

— Я знаю. Это я виноват. — Я поднял на неё глаза, пол-

ные усталости. — История долгая, я всё расскажу позже. С девочками поговорю сам.

— Может, съездите завтра к бабушке? — устало предложил я. — Хоть какая-то поездка. Она вас давно ждёт.

Джоди долго и молча смотрела на меня. К моему удивлению, в её взгляде не было ни капли злости или упрека — только тихая, глубокая и какая-то грустная мудрость. Она тяжело вздохнула, сделала шаг навстречу и мягко коснулась моего плеча.

— Иди мой руки, герой, — она тихо, едва заметно улыбнулась. — А то твой праздничный «сюрприз» скоро окончательно остынет и станет просто обычными макаронами.

За ужином я выложил ей всё как на духу. Рассказал про циничные слова жениха за аркой, про свой глупый бунт у микрофона, про ярость мэра и ледяное равнодушие гостей. И пока я говорил, мне наконец-то впервые за этот адский день становилось легче. Камень падал с души. В глазах Джоди я видел не разочарование, а искреннее, глубокое уважение.

— Я горжусь тобой, Крис, — она мягко коснулась моей ладони, бережно прерывая мои очередные путанные извинения. — Ты всё сделал правильно. Жаль, конечно, океан... но это точно не конец света. Поедем в другой раз, когда встанем на ноги после покупки дома. — Она на мгновение замолчала. — Но девочкам завтра всё равно придётся что-то сказать.

— Ты чудо, — я накрыл её теплую ладонь своей. — Каж-

дый божий раз удивляюсь, как мне с тобой повезло. — Я тяжело, со скрипом поднялся из-за стола. — Я сам с ними поговорю утром. Поездка к бабушке их немного утешит. Спасибо за ужин... и за всё остальное, Джоди.

Я слабо, благодарно улыбнулся ей и направился к лестнице, уходя в гулкую, прохладную тишину второго этажа.

Уже наверху я осторожно, чтобы не скрипнуть петлями, приоткрыл дверь в детскую комнату. В тонкой полоске желтого света, упавшей из коридора, были отчетливо видны спящие дочки. Младшая обнимала своего плюшевого мишку, старшая закинула ногу за одеяло... Я долго, не шевелясь, смотрел на них, и горький комок снова подкатил к горлу. Слово не сдержано, мечта об океане разбита моим собственным эгоизмом.

Но где-то глубоко внутри билась одна четкая, непреклонная мысль: поступи я сегодня иначе, промолчи я на том подиуме ради денег, я бы больше никогда не смог честно и открыто смотреть в эти чистые детские глаза. Я пытался подобрать правильные слова для завтрашнего тяжелого разговора, но после этого сумбурного, сумасшедшего дня в голове оставалась лишь пустота.

Я тихо прикрыл дверь в детскую, оставив все свои страхи и сомнения в темноте коридора, прислонился спиной к стене и впервые за этот бесконечный день глубоко, облегченно выдохнул.

ГЛАВА 2

Я проснулся от шума. Джоди забыла выключить телевизор, и весь утренний эфир был забит неприятными, тяжелыми новостями. Опять конфликты, сильные безжалостно бомбят слабых, очередные политические ультиматумы... Так было всегда, и, похоже, так будет и дальше. И где этому конец?

— Да уж, — пробормотал себе под нос, крепко растирая затекшее лицо ладонями. — Не так я хотел проснуться.

Торопливо встал с дивана, одним нажатием кнопки выключил бубнящий ящик и пошёл на кухню. В коридоре столкнулся с Джоди.

— Доброе утро, — она мягко коснулась моей руки. — Не переживай за девочек, я им уже всё рассказала.

— И как они? — я выдохнул с огромным облегчением.

— Расстроились, конечно, — тихо ответила жена. — Но я сказала, что вчера их папа был настоящим героем. Так что иди к ним. Они не злятся, просто хотят пообщаться.

На душе мгновенно потеплело. Плохие новости из телевизора тут же выветрились из головы, уступив место главному: дети на меня не обижены. Всё обошлось.

На кухне Кэнди и Сэнди тут же повернулись в мою сторону. Сэнди воодушевлённо подпрыгнула на стуле, едва не перевернув чашку:

— Пап! Мама сказала, ты вчера победил какого-то большо-о-ого злодея. Кто это был?

Я внимательно посмотрел на дочь, подбирая правильные, понятные слова.

— У этого злодея есть имя, — серьёзно произнёс я, присаживаясь рядом. — Система. Ух, навалил же он мне вчера... Позже, когда подрастёте, вы сами с ним столкнетесь. И вашей задачей будет не дать ему себя обмануть.

— Вы не сильно расстроились, что вместо Калифорнии поедете к бабушке?

— Как мы можем расстроиться? — ответила Кэнди, уплетая завтрак за обе щеки. — Сто лет у неё не были! У бабушки всегда классно, она уже готовит что-то вкусное.

— Рад это слышать, — я улыбнулся и подмигнул им. — Но не забывайте: обещал вам океан, и он будет. Загадывать не будем, просто сделаем это внезапно.

Джоди в прихожей загремела ключами:

— Девочки, собирайтесь, выезжаем!

Кэнди и Сэнди крепко обняли на прощание и наперегонки бросились к дверям. Жена быстро поцеловала в щеку.

— Не забудь, что ты нам обещал, — улыбнулась она, уходя к машине.

Я смотрел им вслед, чувствуя странное, глубокое умиротворение. Значит, всё было не зря. Честь сохранил, а семья поддержала. Что может быть важнее?

Впереди был целый день наедине с собой. Прогулка, тре-

нировка, музыка... Нужно просто оставить вчерашний кошмар в прошлом и жить дальше. Присел на банкетку и начал зашнуровывать кроссовки, когда телефон в кармане куртки завибрировал. На экране высветился неизвестный номер.

— Слушаю, — произнес в трубку, не отрываясь от шнурков.

— Ты думал, вчерашний цирк сойдет тебе с рук? — голос Мэра был тихим, вкрадчивым и от этого по-настоящему опасным.

Замер. Мгновенно узнал этот тяжелый, давящий баритон.

— Просто сказал правду, господин мэр. Разве не для этого нанимают ведущего?

— Ведущего нанимают, чтобы развлекал толпу, а не изображал совесть нации, — в трубке послышался сухой, издевательский смешок. — Слушай внимательно, Кристофер. Твоя карьера клоуна окончена. Можешь искать другую работу — на стоянке супермаркета тебе будет самое место. Я лично об этом позабочусь.

— Вы мне угрожаете?

— Предупреждаю. Хорошего дня.

Короткие, резкие гудки ударили в ухо, как пощечина.

— Пошёл ты... — я пробормотал в пустую, внезапно похолодавшую прихожую.

Выскочил из дома, надеясь выплеснуть ярость в движении. Но уже через пару миль бег сделал свое дело: дыхание выровнялось, а гнев сменился странной, почти пугаю-

щей легкостью. Вдруг осознал: человеческий мозг — это всего лишь машина по производству страхов. Мы бесконечно ждем катастрофы, изводим себя депрессией и рисуем кошмары, которые в девяноста процентах случаев никогда не сбываются. Зачастую всё происходит неожиданно хорошо, но мы слишком заняты ожиданием беды, чтобы это заметить.

В голове всплыли образы ковбоев с Дикого Запада — людей, которые не спускают глаз с противника, держа палец на курке. Они не боятся смерти ни секунды. Так какой вообще смысл в страхе? Зачем мы постоянно дрожим? Боимся потерять работу и оказаться на помойке? Боимся стать калеками? Какой смысл изводить себя этим, если трагедия еще не постучала в дверь? По-настоящему опасен лишь тот человек, который бесстрашен, спокоен и вальяжен в своем безразличии к судьбе.

За эти несколько километров я задал себе десятки вопросов, но в итоге смог вернуться к своей силе. Нужно оставаться мужчиной, что бы ни случилось. Мир всегда будет диктовать свои условия, но только тебе решать — следовать им или проложить собственный путь.

Я как раз выбегал на открытый участок дороги, когда телефон в кармане шорт снова завибрировал. На экране светилось имя Тони.

— Крис, привет! Я в участке... Слушай, не спрашивай как, я потом объясню. Тут забавная ситуация вышла, приедешь?

Остановился, пытаюсь отдышаться. Пот градом катился по лицу.

— Ох, Тони... У меня на этот день были совсем другие планы... Ладно, буду через полчаса. Жди.

Что он еще мог натворить? Вчера была свадьба, сегодня — полиция. Как его вообще угораздило туда загреметь? Я вызвал такси — машина осталась у Джоди — и всю дорогу смотрел в окно на проплывающие мимо залитые солнцем улицы Монтаны. Единственный свободный день, законный отдых уходил на очередное спасение друга. Я вошел в кабинет дежурного. В нос сразу ударил тяжелый запах казенной хлорки и старой, слежавшейся бумаги. Взглянул на Тони — он сидел на самом краю деревянного стула, взъерошенный, помятый и сонный. Подошел ближе и тихо, без капли злости, спросил:

— Ну? Что ты здесь забыл?

Вместо Тони ответил полицейский, даже не отрываясь от заполнения унылого бланка протокола:

— А забыл он здесь ответить за драку. Ночной клуб, три часа ночи... Сейчас выясняем, кто первый начал махать кулаками.

У офицера оглушительно зазвонил стационарный телефон на столе. Он нехотя поднял трубку, послушал пару секунд, буркнул что-то в ответ и вышел из кабинета, оставив нас одних. Я тут же повернулся к Тони:

— Рассказывай. Что опять натворил?

— Да ничего особенного, — Тони нервно поправил измятый воротник рубашки. — Подрабатывал диджеем в клубе. Ну, после той свадьбы заехал, хотел еще немного подзаработать... Но всё пошло не так.

— Тебе мало было вчерашнего?

— Крис, ты же знаешь, я коплю на ту тачку. Всю плешь тебе про нее проел. Мне просто нужны деньги.

— Ладно, помню я твою машину, — я вздохнул и сел на свободный стул рядом. — Так что в итоге случилось? С кем сцепился и из-за чего?

— Приехал подработать, думал, поставлю пару разрывных треков, — Тони потер затекшую шею. — Но в моменте всё пошло не по плану. Смотрю, у туалетов какой-то кипиш, толпа музыку не слушает. Обидно стало, решил разобраться.

— Ого, это уже становится интересно, — не без азарта я подбодрил его.

— Да погоди ты. В общем, выключил звук, в микрофон на весь зал крикнул: «Технический перерыв пять минут, не расходимся!». Ломанулся напрямик через толпу. Открываю дверь в уборную, а там трое месят одного, лежачего. Ну я и влез.

— Дай угадаю, — я перебил, невольно усмехнувшись. — Раскидал всех одним махом? Или сразу убил на месте?

— Дай закончить! — нервно огрызнулся Тони. — Сам так и не понял, за что они на парня нависли. Сказал им просто и громко: «Хорош тусовку портить». Они пацана бросили,

на меня переключились. Начали плотно наседать... А ты же знаешь, Крис, без своего ножа из дома не выхожу. Пришлось достать.

— О-о, я помню тот нож... Один раз ты меня им чуть случайно не пырнул. Надеюсь, тем парням повезло больше.

— Повезло. Махнул пару раз, проткнул одному куртку, кожу вроде не задел. Но они меня, как видишь по лицу, разукрасили знатно. Хорошо копы вовремя приехали... Я-то, дурак, решил погеройствовать на ровном месте. В общем, теперь сижу здесь из-за этой испорченной куртки и ножа. Как-то так.

Я тяжело выдохнул, откидываясь на спинку стула:

— Тони, искренне рад, что всё не так паршиво, как надумал себе по дороге в такси. Но может, тебе всё-таки стоит раз и навсегда избавиться от этого тесака?

— Считаю, уже избавился, — глухо ответил Тони, потирая ушибленное плечо. — Его, скорее всего, всё равно заберут.

В кабинет тяжелым шагом вернулся полицейский. Скучающий вид с его лица как рукой сняло. Он бросил на стол папку и внимательно посмотрел на Тони:

— Антонио, вы свободны. Пока что. Один из тех парней, которых вы так удачно «пометили» своим клинком, оказался в федеральном розыске. Считайте, удача сегодня целиком на вашей стороне. Забирайте вещи на выходе. Прощайте, и очень надеюсь, больше мы в этом участке не увидимся.

Я первым вышел в темный коридор. Меня не покидало

глухое, злое раздражение: день, который должен был принадлежать только мне, окончательно рассыпался на части.

— Тони, ну и зачем я сюда приехал? — бросил он через плечо.

— Прости, Крис... Я правда испугался. Думал, на меня сейчас всех собак повесят. Мне нужно было, чтобы кто-то адекватный был рядом.

Мы уже подходили к стойке дежурного на выходе, когда я резко замер. Громкий голос полицейского, говорившего по стационарному телефону, намертво прорезал будничные шум участка:

— Авария на трассе Биг-Скай... Четырнадцатый километр. Сколько участников? Выжившие есть?.. Отправляю скорую и патруль.

Всё вокруг меня вдруг стало смертельно холодным. Биг-Скай. Четырнадцатый километр. Это была та самая дорога, по которой Джоди час назад повезла наших девочек к бабушке.

Сердце пропустило удар. Пальцы сами, на автопилоте, залезли в карман и нашли в контактах номер жены. Нажал вызов. Тони раздраженно дернул за рукав куртки:

— Крис, идем! Ты что, хочешь здесь поселиться?

Шли длинные, мучительные, издевательские гудки. Никто не отвечал. В груди лавиной начало нарастать паническое, удушающее давление. Может, она просто увлечена дорогой? Держит руль обеими руками и не может дотянуться

до сумки? Да, точно, так всегда бывает...

Наконец, гудки оборвались. Щелчок соединения.

— Алло? Джоди! Слава богу... Всё в порядке? Я уж испугался...

Я внезапно замолчал на полуслове. На том конце провода не было дыхания жены. Не было испуганного голоса Кэнди или смеха Сэнди. Только сухой, мертвый треск радики и пронзительный, далекий свист ветра.

— Слушаю, — раздался в динамике чужой, тяжелый мужской бас. — Вы Кристофер? Муж владелицы этого телефона?

Бетонный пол в полицейском участке качнулся и медленно поплыл куда-то в сторону.

— Да. Я. Что случилось? Где она? Дайте мне жену!

— Офицер Миллер, патруль четыреста два, — голос в трубке звучал безжалостно и прямо. — Произошло лобовое столкновение на четырнадцатом километре автотрассы Биг-Скай. Вам нужно приехать на место. Срочно.

Мир вокруг в один миг полностью потерял краски. Бледное лицо Тони, облезлые казенные стены участка, ориентировки на стендах — всё мгновенно стало серым, плоским и неживым. Звуки превратились в невнятный, глухой гул, словно я внезапно оказался глубоко под водой. Тони что-то кричал, яростно тряс меня за плечо, но видел только лихорадочное, неестественное шевеление его губ. В ушах стоял невыносимый, тонкий звон, и голос друга доносился отку-

да-то издалека, как слабое эхо.

Слез не было. Был только ледяной, парализующий ступор. Полицейский в трубке так и не сказал самого главного — живы они или мертвы. И эта проклятая неизвестность была страшнее любой, самой жуткой правды.

Уже через минуту мы с Тони на бешеной скорости неслись к месту аварии. В голове набатом билась только одна-единственная мысль, похожая на безумную молитву: «Лишь бы живы. Пожалуйста, господи, лишь бы живы». У меня ведь больше вообще никого не осталось в этом мире. Родителей давно нет, мать похоронил всего три года назад... Не мог, просто не имел права потерять еще и этот уют, тепло родного дома, топот маленьких детских ног по утрам и улыбку Джо-ди. Только не это.

Уже на выезде на шоссе накрыл дикий, удушающий мандраж. Картины, которые лихорадочно рисовало воображение, были страшнее любого триллера. В какой-то момент до тошноты, до дрожи в коленях захотелось развернуться. Нажать на тормоз, бросить всё, вернуться обратно, сесть на диван в своей пустой, тихой квартире и просто ждать. Ждать, пока они сами, целые и невредимые, вернутся от бабушки, с шумом ворвутся в прихожую и начнут наперебой, перебивая друг друга, рассказывать, как прошел их день. Но от судьбы нельзя было скрыться за закрытой дверью.

Мимо проносились пригороды, а когда мы вылетели на автотрассу, пейзаж слился в бесконечную ленту из деревьев

и холмов. Я отчаянно пытался вернуться мыслями назад — в то утро, когда этот день только начинался и еще ничего не было предрешено. Но автомобиль неумолимо нес нас к той самой точке на карте.

Всего час назад на пробежке я чувствовал, что вернул себе силу и контроль над жизнью... Но как остаться сильным сейчас, когда сам мир под твоими ногами начинает крошиться? Как не сломаться, если всё, ради чего ты дышал, находится впереди — в облаке пыли и обломков?

Когда Тони притормозил на обочине, я долго не решался поднять взгляд. Сидел неподвижно в пассажирском кресле, до смерти боясь увидеть то, что уже никогда нельзя будет развидеть. Но удушающая тишина в салоне была красноречивее любого крика. Тони, застывший у руля, уже всё увидел. Он смотрел на меня, и в его оцепенении не было слов утешения — к такому зрелищу невозможно подготовить ни мужа, ни отца.

В боковом зеркале я поймал отражение полицейского, идущего к нашей машине. Тони тяжело вздохнул и, наконец, нашел в себе силы глухо заговорить:

— Приехали, Крис. Нужно идти.

Я ничего не ответил. Медленно, словно в кошмарном сне, я толкнул тяжелую дверь и вышел на холодный асфальт трассы.

Первое, что бросилось в глаза — бесформенные груды искореженного, разорванного металла. Среди обломков на

обочине сразу узнал нашу синюю «Вольво». Машину, на которой мы всей семьей объездили полстраны... Чуть дальше, в кювете, догорал массивный белый «Ленд Крузер» — встречный удар был такой силы, что на большой скорости здесь вряд ли можно было выжить хоть кому-то.

Офицер полиции подошёл ближе. По его бледному, каменному лицу я сразу всё понял. Мужчина в форме не стал тратить драгоценное время на пустые, фальшивые слова соболезнований.

— Пройдите со мной, — тихо произнёс он. — Нужно опознать тела.

Слово «тела» наотмашь ударило по сознанию. Я резко перевёл взгляд на полицейского, словно этот человек только что сам совершил чудовищное преступление. Сделал шаг вперед и замер. В десяти шагах, на сером, абсолютно безразличном асфальте шоссе Биг-Скай, лежали три чёрных контура. Один большой. И два совсем маленьких.

Я пошёл к ним. С каждым моим шагом окружающий мир становился всё тише, а собственное сердце — громче. Оно отдавалось в ушах глухими, невыносимо тяжёлыми ударами, словно кто-то изо всей силы бил огромным молотом в пустую железную бочку. Ноги вмиг стали ватными, почва уходила из-под ног. До самого последнего мгновения я отчаянно цеплялся за призрачную надежду: это ошибка, дикое совпадение, чужие люди, не они...

Но когда пакеты приоткрыли, надежда мгновенно умерла.

Меня резко согнуло пополам, словно от страшного физического удара под дых. Опустился на колени прямо на грязный, пыльный асфальт и замер, медленно, бездумно покачиваясь взад-вперёд в абсолютной пустоте. Тони стоял рядом, даже не пытаясь скрыть хлынувших слёз. Для него они тоже были семьёй.

Внезапно в кармане запел телефон. Весёлая, будничная мелодия прозвучала как дикое кошунство посреди этого ледяного безмолвия. Я не стал доставать мобильный. Прекрасно знал: это звонит мама Джоди. Они должны были приехать к ней ещё час назад. Горький узел в горле стал невыносимым — мысленно представил, как буду произносить эти страшные слова. Самое страшное, что вообще может сделать человек в своей жизни — это похоронить собственных детей.

На мгновение я заставил себя выпрямиться, преодолевая ватную слабость в коленях.

— Как это произошло? — собственный голос прозвучал чужим, хриплым и сорванным. — Кто виноват?

Полицейский отвел глаза на мокрый от машинного масла асфальт, не в силах вынести мой взгляд.

— Мы не можем быть уверены до конца, — негромко ответил офицер. — Но первичная экспертиза уже показала: водитель встречного внедорожника был сильно пьян. Примите мои соболезнования, сэр.

Мало интересовало, кем был тот ублюдок. Не хотелось видеть его лицо, имя, статус — какая теперь разница, если его

самого тоже больше нет в живых? Но глухая, первобытная ярость, разъедающая изнутри, уже бурлила в венах ядовитым кипятком. Я не мог отойти от своей семьи ни на один шаг, жадно, в удушающем ступоре ловя последние минуты рядом. В следующий раз увижу их только на похоронах. На душе мертвым грузом нависло чувство кромешного, тотального одиночества. Они были для меня целым миром. А теперь этот мир просто исчез.

Через неделю на кладбище у меня уже не осталось слёз. Изнутри выгорело абсолютно всё, осталась только гулкая, звенящая опустошённость. Всю эту неделю я существовал как разбитое, бесформенное существо, на автомате выполняющая чужие инструкции. В день похорон само небо Монтаны пыталось сдержать слёзы мелким, морозящим дождём. Тяжелый, сырой запах разрытой земли незаметно нагонял глухую, вековую тоску.

Я стоял каменным, застывшим изваянием среди рыдающей, черной толпы родственников и знакомых. Холодный, пустой взгляд в одну точку, намертво сжатые челюсти. Единственное, о чем мог думать в эти секунды — как не погибнуть внутри прямо сейчас, как не рассыпаться серым прахом вслед за ними в эту могилу. Я мельком посмотрел на мать Джоди. Пожилая женщина буквально заходила в рыданиях на руках у Тони, и я отчетливо понимал: она этого кошмара просто может не пережить.

Я не отводил взгляда от трех опускающихся гробов. Ко-

гда-то давно хоронил отца и мать и наивно думал, что это предел человеческой боли. Но тогда внутри не было такой выжигающей пустоты, а ведь я их тоже сильно любил... Видимо, правду говорят: к смерти близких нельзя привыкнуть. Да и как вообще можно привыкнуть к тому, что всегда бьёт, как трусливый нож в спину — редко, подло и внезапно?

Судьбу не обыграть... Что ей стоит в один миг забрать своё? Наша встреча с Джоди была уготовлена задолго до этого кошмара. Я чувствовал это, я видел знаки, но даже в самом страшном сне не мог помыслить, чем всё обернётся.

Я поднял глаза к серому, низкому небу и пока что не имел ни малейшего понятия, выберусь я из этой черной бездны или останусь в ней навсегда. Но знал одно совершенно точно: Джоди хотела бы, чтобы я оставался сильным. Даже сейчас, среди этих могил.

ГЛАВА 3

«20 ЛЕТ НАЗАД. ОКРАИНА БИГ-СКАЙ, МОНТАНА»

Я до сих пор не понимал, куда мы едем. Отец молчал, и этот день рождения всё меньше походил на праздник из моих ожиданий. К чему готовиться? Я всю дорогу изводил папу вопросами, но он лишь коротко бросал через плечо:

— Увидишь.

Этой дорогой мы ехали впервые. За окном проплывали пейзажи, которые заворожили меня настолько, что я, наконец, замолк. Оранжевый закат плавил облака, а в открытое окно врывался теплый летний ветер, пахнувший пылью и нагретой травой. В тот момент мне хотелось только одного — чтобы эта дорога никогда не заканчивалась.

Казалось, отец везет меня глубоко за город. Может, мы будем охотиться в ночи? Или рыбачить? А вдруг разведем огромный костер, и папа будет рассказывать те самые страшные истории, от которых мурашки по коже? Терпение было на исходе.

Отец притормозил рядом с какими-то автодомами.

— Приехали?! — выкрикнул я, едва машина остано-

лась.

— Приехали. Идём за мной.

Над нами сгущались сумерки. Когда папа достал из багажника два раскладных стульчика, я окончательно убедился: меня ждет сюрприз. Пока мы шли эти десять минут по тропе, я был уверен, что разгадал его план. Мы точно будем разводить костер! Но почему так далеко от машины?

Отец оглянулся:

— Не отставай, почти пришли.

Превозмогая усталость в коротких ногах, я взобрался на небольшую возвышенность. Папа расставил стульчики прямо на мягкой траве и сел.

— Садись, чего ждёшь?

Я пристроился рядом, всё ещё не понимая, зачем мы здесь. Отец указал на горизонт:

— Смотри. Мы как раз вовремя.

— Ва-а-а-у... — выдохнул я.

Солнца уже не было видно, но из-за края земли всё ещё лился призрачный, тающий свет. Папа задрал голову к небу:

— Посмотри, сколько звёзд. В городе ты бы такого никогда не увидел.

Я и не знал, что их так много. Бесконечные россыпи светящихся точек.

— А почему они не падают, пап? Ну, как листья осенью?

— Не на всё есть ответы, сынок. Иногда нужно просто наблюдать.

— Ой, смотри! Вон там пролетела! Значит, всё-таки падают?

— Не совсем. То, что ты видел — это метеор. Пока он летит сквозь небо, он сгорает и светится. А мы просто любимся этой красотой.

Я впервые видел что-то подобное. В голове теснились сотни вопросов, я хотел обо всём расспросить отца, но слова застревали в горле, стоило мне снова взглянуть вверх. Как они там появились? Откуда? Зачем? В какой-то момент мне даже показалось, что я смотрю на огромный перевёрнутый город прямо над нами, с миллионами огней в окнах, которые просто прикрыла ночь.

Я не мог оторвать взгляда от этого величия, но сон брал своё. Веки тяжелели.

— О-о-о, кому-то пора в кровать, — отец заметил, как я отчаянно борюсь с дремотой. — Ладно, идём обратно.

— Пап, давай ещё сюда приедем? Когда-нибудь...

— Обещаю. Ты здесь ещё побываешь. — Он не спеша поднялся со стула. — Идём, это ещё не все сюрпризы.

Я не стал ни о чем спрашивать и, не спеша, отправился в сторону машины, оглядываясь на небо.

На обратном пути я прижался лбом к холодному стеклу. Сонными глазами я провожал уплывающее небо и мечтал, чтобы таких дней было больше. Чтобы родители не ругались, а папа... чтобы папа просто перестал пить. Когда он выпивал, я боялся его до дрожи. Но когда он был таким, как сегодня —

трезвым, спокойным и добрым — я любил его всем сердцем.

Я не знал, как нужно молиться. Но глядя в бездонную пустоту над Монтаной, я чувствовал: меня слышат. Там был кто-то, кому я мог доверить свои страхи. И от этого становилось легче.

Я уснул в машине, а через миг уже наступило утро, и я лежал в своей кровати. Сначала стало обидно — проспал всю дорогу! Но обида мгновенно испарилась, стоило мне вспомнить слова отца о сюрпризе. Я уже хотел вскочить, но замер: на столе стояла большая коробка с изображением космического шаттла. Вчерашнее небо оставило во мне столько вопросов, а тут — такой ответ. Я сразу понял: это станет моей любимой вещью. Все остальные игрушки обычно надоедали мне за неделю, но не эта.

Я не стал спешить. К делу нужно было подойти аккуратно: я боялся даже поцарапать картон, ведь коробка уже казалась мне драгоценностью. Когда же я, наконец, извлёк подарок, восторг захлестнул меня с головой. Шаттл был великолепен. Тяжёлый, массивный — в руке он ощущался как что-то поистине серьёзное. Завтрак и умывание были забыты. Я носился по квартире с этим космолётом, не замечая ничего вокруг.

В ту секунду я по-настоящему захотел там оказаться. Посмотреть на звёзды вблизи. Облететь вокруг Земли. Высадиться на Луне или навсегда остаться на каком-нибудь спутнике... Или хотя бы просто посмотреть в настоящую косми-

ческую темноту через иллюминатор.

То бесконечное небо вчера ночью что-то изменило во мне. Кажется, до этого момента у меня никогда не было такой большой мечты.

Мама перехватила меня в длинном коридоре.

— Кристофер, ты уже вовсю играешь? А я вижу в твоих глазах остатки сна. На кухне ты мне сегодня еще не попался.

— Мам, мы вчера с папой такое видели! — я задышался от восторга. — А он еще дома?

— Нет, только что ушел на работу.

— Эх, жаль... Мне столько нужно тебе рассказать!

— Давай сделаем паузу, — она улыбнулась. — Пойди умойся, а на кухне всё выслушаю.

Я с трудом оставил шаттл на столе. Закрывая дверь, я не сводил с него глаз. До чего же он был хорош!

За завтраком, не отрываясь от еды, с набитым ртом и горящими глазами я пересказывал события вчерашнего вечера. Мама слушала, подперев щеку рукой.

— Ого, какая большая у тебя мечта, — мягко сказала она. — Но ты еще такой маленький, Крис. Столько всего поменяется, пока ты будешь расти... Ты, скорее всего, и не вспомнишь об этом через год.

— Нет, мам. Я серьезно решил.

— И как ты успел так быстро повзрослеть за одну ночь? Ладно, ешь помедленнее, а то состаришься раньше времени.

Мама отнеслась к моим словам как к детской причуде, и это меня укололо. Может, она и права, и всё это пройдет? Но я не злился на неё. Я слишком сильно её любил.

В дверь позвонили. Мама сразу догадалась, кто это.

— Похоже, Тони. Беги открывай.

Я подставил стул, чтобы дотянуться до глазка, но увидел только знакомую макушку. Вчера он не смог прийти на мой день рождения, но сегодня мы точно оторвемся!

Я рванул дверь и потащил друга в свою комнату. Перед тем как войти, я замер на пороге, пристально всматриваясь: на месте ли космолет? Глупо, конечно — что с ним могло случиться? — но мне нужно было убедиться.

— Ва-а-у, Крис! Это уже другой уровень. Это тебе не в машинки играть, — Тони благоговейно принял шаттл из моих рук. — Тяжёлый... Круто!

— Да-а... Я решил показать его только тебе. Не говори никому, ладно? А то начнут клянчить, просить поиграть...

— Я могила, ты меня знаешь, — Тони осторожно вернул корабль на стол.

— Пойдём лучше на улицу. Ты на велике?

— Конечно!

— Ну тогда погнали!

Мы пронеслись мимо мамы так быстро, что она не успела и слова вставить. Запрыгнули на велосипеды и умчались куда глаза глядят. Июньское солнце Монтаны припекало, а свежий ветер бил в лицо, обещая бесконечное лето. До шко-

лы была целая вечность, и от этой мысли мир казался ещё прекраснее.

Но даже крутя педали, я не мог выкинуть мечту из головы. Мысли витали где-то там, наверху. Как туда попасть? Кто проложит дорогу в эту безмолвную темноту? Пока я «летал» в своём воображаемом космосе, реальность исчезла. В ушах словно стояли пробки — я не слышал ничего, кроме собственного дыхания.

— Крис, стой! Дорога! — истошный крик Тони прорезал мой транс в последнюю секунду.

Я ударил по тормозам так, что покрышки взвизгнули по асфальту. Прямо перед моим передним колесом, обдавая жаром и едким запахом солярки, пронеслась тяжеленная фура. Грохот многотонной машины на мгновение заглушил всё остальное.

Сердце заколотилось где-то в горле. Я пригнулся к рулю, пытаюсь унять дрожь в коленях и отдышаться.

— Ты как? — Тони подкатил вплотную и положил ладонь мне на спину. Его рука заметно дрожала.

— В порядке... — я с трудом сглотнул. — Просто задумался.

— О чём таком можно думать, чтобы не заметить грузовик? О том шаттле?

— Ну, почти...

Мы поехали дальше, теперь уже медленно и осторожно. День не потерял своих красок, но внутри поселился колючий

холод. Я вдруг понял: всё могло закончиться здесь, на этом перекрёстке. И тогда моя большая мечта не имела бы больше никакого смысла.

Мы с Тони пропадали весь день. Просто катались, гуляли и объедались всякими сладостями на деньги, которые ему тайком дала бабушка. Мы не вспоминали о домашней еде и скучных обязанностях — мы просто наслаждались этим днем, выпивая его до капли. Я мог бы с уверенностью сказать: это был мой второй день рождения. В прямом и в переносном смысле...

Я вернулся домой только к вечеру, уставший, но бесконечно счастливый. Бросил велосипед прямо у порога и ворвался в дом, готовый поделиться своим восторгом. Но картина, которую я застал, в клочья разорвала все накопленные за день эмоции.

Отец был пьян. Снова.

Они сидели на диване. Мама пыталась его успокоить, а он, низко склонив голову и обхватив её руками, сверлил взглядом пол. Я бегло осмотрел маму — на ней не было следов ударов. "Пока всё не так плохо", — пронеслось в голове. Может, сегодня пронесет? Мама заметила меня и одним только взглядом дала понять: "Уходи. Не подходи к нему". Я послушался. Стараясь не шуметь, я проскользнул в свою комнату и рухнул на кровать.

Я лежал в темноте и почти молился, чтобы эта ночь прошла тихо. В моей детской голове не укладывалось: зачем он

это делает? Вчера у нас был такой классный день на Звездном холме, мы были так близки... а сегодня он снова превратился в чужого. Ладно, если бы алкоголь приносил ему радость, но нет — после него отец всегда становился мрачным, раздавленным и злым. Я искренне пытался понять, что его гложет, но ответов не было. В тот вечер я понял: звезды гораздо понятнее и честнее, чем люди, которых ты любишь.

Я долго не мог уснуть. Сидел в темноте, превратившись в слух, и караулил тишину за дверью, боясь пропустить момент, когда маме понадобится помощь. Я был на страже до самого рассвета, но в доме было тихо. В конце концов, усталость после этого безумного дня взяла своё, и я провалился в тяжелый сон.

Утром я вскочил с кровати с ощущением, что и не спал вовсе. Солнечный свет заливал комнату, и меня тут же прошила паника: я всё проспал. Что там случилось, пока я был в отключке? Я бросился на кухню.

Всё выглядело пугающе нормально. Только отец казался каким-то помятым и серым. Они сидели за столом. Я замер, глядя на отца, а он поднял глаза на меня. В его взгляде читался стыд — густой и липкий. Внутри меня кипели вопросы и претензии, мне хотелось кричать, требовать ответов... но вместо этого я чувствовал только обжигающую жалость. Я хотел того отца, с которым можно смеяться, а не этого — разбитого. Я хотел открыть рот, но слова застревали в горле. Он смотрел на меня так, словно и без слов знал всё, что я

хочу сказать.

— Вот мы все и в сборе, — мама прервала эту звенящую паузу. Она поднялась и принялась возиться у плиты. — Давайте завтракать.

Я молча сел напротив отца. Смотреть ему в глаза было физически больно.

— Кристофер, — негромко произнес он. — Прости своего непутевого отца. За всё.

— Пап... мы же всего два дня назад были на холме. Всё было отлично. Что случилось?

— Есть вещи, которые ты пока понять не сможешь, — он грустно усмехнулся. — Подрастешь — может, я и смогу тебе объяснить.

— Скажи сейчас! Я всё пойму! — выпалил я, подавшись вперед.

Отец на мгновение замолчал.

— Скажу тебе только одно, сынок... Бывают раны, которые никогда не затягиваются. И болят они так сильно, что хочется просто выключить этот мир.

Я задумался, пытаюсь найти логику в его словах. Я осмотрел его: он был цел, никакой крови или бинтов. Что это за раны такие? Я не понимал.

— Почти готово! — мама снова решила разбавить обстановку, ставя на стол тарелку с пышными панкейками, политыми кленовым сиропом. — Ешьте, пока горячее.

Пока мы ели, мама отчаянно пыталась склеить осколки

нашего утра. Она болтала о пустяках, поднимала какие-то бытовые темы и делала вид, что всё в порядке. Я хотел ей верить, но холодные сомнения не покидали меня. Мы завтракали и даже общались — почти как обычная, нормальная семья, старательно забывая о вчерашнем дне. Хотя вчера и не случилось ничего непоправимого, само ожидание катастрофы отравило мой сон.

Отец собрался и ушел на работу. Я проводил его взглядом до самого поворота. Он чувствовал мой взгляд — полный немой надежды на то, что сегодня вечером он вернется домой прежним. Дождавшись, пока он скроется из виду, я повернулся к матери.

— Мам, ты мне хотя бы скажи... Что это за раны у папы? Мама подошла и крепко прижала меня к себе.

— Крис, у твоего отца было очень трудное детство...

— Но как мы можем ему помочь? — я уткнулся ей в плечо.

Она молча гладила меня по голове. В этом жесте было столько нежности и столько бессилия.

— Не знаю, сынок. Когда мы решили создать семью, я была уверена, что нашей любви хватит, чтобы со всем справиться.

— Но ведь должно быть решение! — я обнял её еще крепче. — Мы не можем просто смотреть.

— Он должен найти этот путь сам, Крис. Только сам.

Для меня это стало величайшим вызовом. Я закрыл гла-

за и начал представлять, как нахожу некий секретный ответ, магическое слово, после которого отец исцеляется, и мы навсегда становимся счастливыми. От этого воображаемого триумфа на глаза навернулись слезы счастья. Я поднял голову, глядя на маму сквозь соленую пелену.

— А что мы будем делать... если ответ так и не найдется?

Мама увидела мои мокрые глаза, и её лицо мгновенно изменилось. Тень осознания пролегла у неё между бровей. Она просто смотрела на меня, и в этой долгой тишине я прочитал ответ, который она так и не решилась произнести вслух.

ГЛАВА 4

Месяц. Ровно месяц с того страшного дня, а я всё ещё наглухо заперт в своих воспоминаниях, как в тесной клетке. Говорят, нужно «отпустить», но как отпустить то, что было твоим единственным, абсолютным смыслом жизни? Моя жизнь просто замерла. Я не работаю, кое-как существую на остатки прошлых накоплений и тупо жду, когда один пустой, серый день сменит другой.

Я сполз с дивана — единственного места в квартире, которое ещё казалось мне безопасным — и медленно поплёлся в ванную. Заплаканное зеркало встретило меня чужаком. За этот месяц я заметно обрюзг, оброс колючей, неухоженной щетиной, а взгляд стал совсем стеклянным, неживым. Страшно смотреть на человека, в котором полностью погас свет.

«Что бы ты сказала мне сейчас, Джоди? Что я слабак? Обычная тряпка?»

Я бы даже не стал с ней спорить.

Она была настоящим чудом. Редким, подлинным. Кажется, сама судьба вела нас друг к другу годами только для того, чтобы сейчас я стоял здесь, в пустой, вымороженной квартире, и задавал немому отражению один и тот же безумный вопрос: «За что?». Но мертвая тишина кафеля не умеет отвечать.

Я плеснул в лицо ледяной водой и вернулся в темную гостиную. Часы показывали семь вечера. Я проспал весь этот день, и это меня уже даже не удивляло. Утро, вечер — какая теперь разница, если в доме всё равно беспросветно темно.

Целый месяц абсолютной, давящей тишины. Но иногда мне отчетливо кажется, что я слышу детский смех из запертой спальни девочек, или физически чувствую утренний запах свежего кофе, который Джоди обычно варила по утрам. Эти фантомы медленно убивают меня изнутри. Я знаю точно: если я не выберусь отсюда в ближайшее время, этот дом станет моей могилой.

Внезапно тишину разорвал резкий звонок. На экране телефона светилось лицо улыбающегося Тони. На этой старой, сделанной в клубе фотографии он выглядел таким счастливым, что сейчас это казалось мне жестокой издевкой. Весь этот месяц Тони отчаянно пытался вытащить меня со дна, но сейчас его вечная энергия и бодрость только дико раздражали. Мне не нужны были жалостливые спасатели. Мне нужна была тишина, в которой я мог бы окончательно и бесследно исчезнуть.

Тони не сдавался. Смартфон упрямо вибрировал на журнальном столике, пока я, наконец, не сдался сам и не нажал на кнопку приема.

— Привет... Не буду спрашивать, как ты, — голос друга в трубке был непривычно серьезным. — Но я места себе не нахожу, Крис. Мы сто лет друг друга знаем, я не могу просто

сидеть сложа руки и смотреть, как ты медленно умираешь в тех стенах.

— Тони... я всё понимаю. Но у меня нет сил. Совсем. Нужно просто подождать, время лечит, само пройдет.

— Не ври себе. Ни хрена само не пройдет, с каждой неделей будет только хуже. Никуда не уходи, я уже еду к тебе.

Я отложил телефон и бессильно откинул голову на жесткую спинку дивана.

— А куда мне идти? — тихо прошептал я в пустую, темную комнату.

Резкий звонок в дверь раздался уже через пять минут. Я даже не удивился — значит, Тони выехал ещё до того, как набрал мой номер. Кое-как поднялся, подошел к двери и, не глядя в глазок, повернул щеколду замка. На пороге стоял взволнованный Тони. Не проронив ни слова, я просто отступил в сторону, впуская его в свой склеп.

— Пошли на кухню, — с ходу бросил он, пытаясь разрядить обстановку. — Хоть кофе мне нормальный сварись.

Пока я возился с гудящей кофемашиной, тишина в доме казалась почти физической, липкой и осязаемой.

— На самом деле... я рад, что ты пришел, — признался я, так и не оборачиваясь к нему. — Здесь чертовски, невыносимо одиноко.

— Ты хоть на улицу выходишь? — Тони критически, оценивающе осмотрел меня с ног до головы. — Пробежки, я так понимаю, всё еще в глубоком прошлом? Выглядишь ты хре-

ново, Крис. Извини, но это правда.

— Знаю. Никогда в жизни не думал, что у кого-то из нас двоих всё так повернется.

— Крис, вспомни наше детство. Мы только и делали, что искали приключений на свой зад. Но что с нами стало? Во что превратился весь этот мир? Что стало с тобой?

— Да... я знаю.

— Послушай, Джоди бы точно не хотела, чтобы себя до такого состояния доводил. Ты же сам это прекрасно знаешь.

— Да. Не хотела бы, — едва слышно пробормотал я себе под нос, глядя на темную струю кофе.

— Тогда знаешь что? Поехали прямо сейчас развеемся. Одевайся, рванем в клуб, у меня там сегодня хороший сет...

— Тони, какой, к чёрту, клуб? Ты издеваешься?

— Там люди, музыка, девчонки в конце концов... Тебе нужно просто выдохнуть, Крис. Только сначала приведи себя в порядок. Бритва в этом доме еще осталась?

— Нет. Извини, Тони, но нет, — я твердо покачал головой. — Я не могу сейчас веселиться, понимаешь? Просто физически не могу. И всё.

Он долго смотрел на меня — в его взгляде смешались глухая жалость и полное бессилие.

— Тони, дай мне время, — тихо попросил я, глядя ему прямо в глаза. — Я вернусь. Я обязательно возьму себя в руки, обещаю тебе. Просто... не сейчас.

— Крис, ты же понимаешь... я просто дико боюсь за тебя,

— вздохнул он.

— Я это ценю. Правда, бро. А теперь... дай мне побыть одному. Пожалуйста.

Тони молча кивнул, бросил короткий взгляд на кухонный стол и медленно направился к выходу. Но уже в дверях прихожей обернулся:

— Знаешь, что я тебе скажу? Тебе нужно избавиться от их вещей. Они тянут тебя на дно. Посмотри вокруг: прошел месяц, а у тебя в доме всё лежит так, будто они уехали на пять минут и сейчас вернутся.

Я замер, глядя на друга тяжелым, непонимающим взглядом.

— Просто подумай об этом, Крис, — тихо сказал Тони и закрыл за собой входную дверь.

Он ушел, а я еще долго стоял у темного окна, провожая взглядом габаритные огни его удаляющейся машины. Лишь когда они окончательно скрылись за поворотом, я бессильно прислонился лбом к холодному, запотевшему стеклу. Слова Тони зловещим эхом отдавались в пустой голове.

«Избавиться от вещей... Но как это сделать?»

Каждая мелкая вещь в этих комнатах была намертво пропитана их присутствием. За стеклом была чужая, абсолютно пустая улица Монтаны, а внутри — дом, до самых краев полный призраков. В складках брошенной на кресло одежды еще слабо жил их родной запах. Каждая тарелка, когда-то выбранная Джоди, каждая пара маленьких кроссовок в при-

хожей — всё это было осязаемой частью меня самого. Выбросить их означало предать память.

Весь остаток вечера прошел в тяжелом, удушливом тумане, и я снова провалился в липкое забытье прямо на диване. Но в четыре утра мертвую тьму гостиной разорвал мой собственный дикий крик.

Сон был беспощадным и детальным: искореженный, разорванный металл нашей «Вольво», едкий химический дым из-под капота и Джоди, которая в полном отчаянии тянула ко мне окровавленную руку, умоляя вытащить её из-под обломков. Ее слезы во сне были настолько реальными, а крик дочек — осязаемым, что я мгновенно проснулся, задыхаясь от нехватки воздуха.

— Это сон... всего лишь кошмарный сон, — прохрипел я в темноту, судорожно хватаясь за грудь, где бешено колотилось сердце.

Провел рукой по лицу и вздрогнул — ладонь мгновенно стала мокрой.

«Я плакал во сне? Хватит. Это безумие должно закончиться».

Слова Тони, сказанные на кухне, больше не казались жестокими или эгоистичными — они теперь виделись мне единственным спасением.

— К чёрту... Хватит!

Остатки сна улетели безвозвратно. Я решительно направился в ванную и зажёл резкий, слепящий свет. В зеркале на

меня смотрел обросший, измученный человек, больше похожий на бродягу, чем на отца семейства. Я взял бритву. С каждым жестким движением лезвия, с каждым сбритым клоком колючей щетины я физически чувствовал, как с моего лица наконец-то спадает эта удушающая маска вечного горя.

Под слоем запущенности я, наконец, снова увидел прежнего Криса Вэнса. Того самого мужчину, в чьих глазах когда-то горел неподдельный огонь. Возможно, этот ночной кошмар стал той самой «последней каплей», после которой слезы внутри просто закончились, уступив законное место действию. Я прекрасно понимал: подобные вспышки решимости уже бывали, и завтра утром меня снова может с головой накрыть черная тьма депрессии. Но прямо сейчас, в четыре часа утра, во мне что-то окончательно и бесповоротно щелкнуло.

«Вещи... Я не могу их просто выбросить на помойку, как ненужный мусор. Это было бы грязным предательством».

Они должны послужить кому-то другому, кому сейчас еще хуже. Благотворительный фонд или церковь — так будет правильно. Так память о моей погибшей семье превратится в реальную помощь для живых, а не в яд, который изо дня в день убивает меня в этих четырех стенах.

Я начал уборку. Двигался намеренно медленно, почти ритуально, уделяя внимание каждой мелочи. Первыми были вещи девочек. Я аккуратно укладывал их в пустые картонные коробки, и каждый предмет буквально оживал в моих

руках, превращаясь в яркую, болезненную вспышку памяти.

— Я помню это платье... — прошептал я, нежно погладив пальцами легкую розовую ткань. — В нём ты была просто писаной красавицей, Сэнди. Прекрасно помню, как мы с мамой подарили его тебе на прошлый день рождения. Ты тогда прямо сияла от счастья.

Открыл следующий выдвижной ящик — вещи Кэнди. На самом верху лежала маленькая игрушечная ковбойская шляпа. Я невольно, впервые за этот месяц, тепло улыбнулся.

— А вот и твоя шляпка... Мы ведь часами играли с тобой в ковбоев. Ты была самым милосердным и честным шерифом на всём Диком Западе.

В этот предрассветный момент я впервые просто вспоминал их живыми, а не погибшими. На мгновение черная боль отступила, уступив место тихой, глубокой благодарности за то, что эти счастливые моменты вообще были в моей судьбе.

Спустя несколько часов я добрался до общего платяного шкафа в нашей спальне. Разбирая коробки со всяким накопленным за годы хламом, вдруг замер, а дыхание перехватило. На самом дне, под ворохом старых бумаг, налоговых отчетов и счетов за дом, виднелось что-то чисто-белое, пластиковое. Я осторожно потянул за край — из-под завалов показалось крыло.

Это был тот самый игрушечный космический шаттл.

Воспоминание ударило в голову, как пуля на вылет. Я замер, не в силах отвести взгляд. В этот миг я снова физиче-

ски почувствовал тот чистый детский восторг, тепло отцовской руки и резкий запах новой игрушки из далекого детства в Монтане. Я бережно крутил шаттл в ладонях, ощупывая каждое крыло, будто проверяя его на прочность. Мечта, которую я когда-то заживо похоронил под толстым слоем взрослой рутины и быта, вдруг подала отчетливый, громкий голос.

— Двадцать лет... — я горько, хрипло усмехнулся в пустоту. — Прошло целых двадцать лет.

Раньше эта тяга к звездам казалась мне просто глупой детской забавой, наивностью. Но сейчас, стоя посреди вычищенной квартиры, я посмотрел на игрушку совершенно другими глазами. В голове сама собой, словно жестокая, отрезвляющая шутка, родилась ясная мысль.

— А может, и правда улететь на Луну?.. Всё равно меня на этой планете больше ничего не держит.

Я сам удивился тому, как легко, естественно и свободно прозвучали эти слова. Забавно. По-настоящему забавно. Я аккуратно поставил пластиковый шаттл на пустую деревянную полку — это была единственная вещь в доме, которую я твердо решил никому не отдавать. Всё остальное было упаковано и готово к отправке.

Закончив, я выставил тяжелые картонные коробки в прихожую. Свободного места там почти не осталось. Я бессильно опустился на пол прямо у входной двери, прислонившись спиной к косяку и глядя на гору пакетов и коробок, в кото-

рых теперь была плотно заколочена вся моя прошлая жизнь.
— Господи, спасибо, что я не пью... Иначе я бы никогда и ни за что отсюда живым не выбрался.

Я уронил голову на сложенные руки, и мой взгляд случайно уперся в самый низ обувной полки. Там, под слоем скопившейся серой пыли, стояли мои старые беговые кроссовки.

«Бег... Мне нужно вернуть бег». Я слишком хорошо вспомнил это забытое чувство: когда после получаса тяжелого пути мысли в голове наконец-то проясняются, а мир вокруг перестает казаться враждебным.

— Всего полчаса, Крис. Это же мелочь. Просто встань и начни. Надо же, они даже запылиться успели...

Я быстро зашнуровал кроссовки, надел наушники и вышел на улицу, захлопнув за собой дверь sklepa. Первые шаги дались с огромным трудом — тело, застоявшееся и одеревеневшее за месяц глухой депрессии, казалось налитым жидким металлом. Но я не позволил себе остановиться ни на секунду.

В ушах зазвучала спокойная, ровная музыка, полностью отсекая будничные гулы просыпающегося города. С каждым новым метром тяжесть в груди — тот неподъемный, удушающий груз горя, что душил меня неделями — начинал понемногу отступать. Солнце еще не успело раскалить асфальт, и прохладный утренний воздух Монтаны приятно обжигал легкие, возвращая мне давно забытое, острое чувство реаль-

ности.

Я бежал, не выбирая маршрута. Было плевать, куда ведут эти улицы Монтаны. Главное — поймать ритм. Один вдох, один выдох. Один шаг, еще один. Впервые за долгое время мои мысли не крутились по кругу вокруг той проклятой аварии. Теперь они были совершенно о другом: как встать на ноги? Как построить новую жизнь на этом пепелище?

Я бежал, и с каждым ударом сердца мечта о Луне, зародившаяся в детстве, становилась всё менее похожей на безумную шутку. Пробежка и свежий воздух приносили плоды — мозг словно окончательно проснулся, а мысли стали четкими, быстрыми. Впервые за этот бесконечный месяц мир вокруг не казался безнадежным.

Завершив часовой забег, вернулся домой к десяти утра. Едва распахнув дверь, я почувствовал, что в квартире стало гораздо больше пространства, хотя груда коробок в прихожей всё ещё мешала нормально пройти. Уставший, но физически обновлённый, скинул кроссовки и направился к дивану, с которым почти сросся за эти недели. Но не успел даже выдохнуть, как тишину комнат разорвал звонок. Снова неизвестный номер.

— Алло? — ответил я с легким замешательством, вытирая пот со лба.

— Здравствуйте, я говорю с Крисом? Меня зовут Нэнси. Мне вас порекомендовали как человека, который может устроить детский праздник для моего сына.

Пока незнакомка говорила, внутри привычно поднялось глухое желание извиниться, сослаться на обстоятельства и повесить трубку. Но я вовремя остановил себя. Понимал: пора брать себя в руки. Жестко. Кардинально. Нельзя упускать этот шанс — возможно, мой единственный билет обратно в нормальную жизнь.

— Алло? Вы здесь? — растерянный голос девушки вернул меня в реальность.

— Да, да. Я слушаю, — твердо перебил её. — Я смогу вам помочь.

— Отлично!

— Сколько лет ребёнку? И когда у него день рождения?

— Моего сына зовут Фрэнк, ему исполнится десять в следующую субботу. Понимаете, Крис... он у меня немного замкнутый. Надеюсь, это не станет проблемой?

— Нет, что вы, — невольно, впервые за долгое время тепло улыбнулся. — Всё будет в лучшем виде, Нэнси. До свидания.

Положил трубку и на мгновение замер, обдумывая неожиданный заказ. Но ещё больше мучил один вопрос: кто вообще замолвил за меня словечко? Целый месяц я тупо игнорировал любые звонки с незнакомых номеров, пока они просто не перестали поступать. Последнюю неделю меня не покидало гнетущее чувство, что с прежней карьерой покончено навсегда. И тут этот звонок — словно спасательный круг.

Не раздумывая, сразу набрал номер Тони.

— Здорово, — неловко начал я.

— Крис! Привет, друг, рад слышать. Ты как вообще?

— Да вроде получше... Но я по делу. Слушай, это ты меня кому-то порекомендовал?

— Крис, слушай, прости, я опять влез не в своё дело... Ты же помнишь наш вчерашний разговор, я просто...

— Стой, стой, — перебил его, чувствуя, как отпускает напряжение. — Я хочу сказать тебе спасибо, Тони. И за то, что пришёл вчера, и тем более за эту рекомендацию. Я только что ответил Нэнси, мы обо всем договорились. Думаю, на следующей неделе мне понадобится твоя помощь.

— Чертовски рад это слышать! — голос друга в трубке мгновенно потеплел. — Конечно, я в деле, бро. Всё помню: следующая суббота. Скоро созвонимся и подробно обсудим план программы.

— Ещё раз спасибо, Тони. Пока.

Этот день начался с дикого ночного кошмара, заставившего меня вскочить в холодном поту, но продолжение вселило робкую надежду. Казалось, всё так и должно было случиться в эту ночь: и этот страшный сон, и утренняя пробежка, и звонок Нэнси. Ответственность за детский праздник, до которого оставалась всего неделя, стала для меня настоящим спасательным кругом. Она просто не давала мне расслабиться и снова с головой провалиться в удушающую яму памяти о Джоди и дочках. Я сознательно, изо всех сил вовлёкся в работу — мне отчаянно, до боли не хватало искрен-

него детского смеха и простого живого общения.

Спустя неделю всё было полностью готово. Локацию для праздника мы выбрали идеальную — тихий городской парк у водохранилища. Свежий, прохладный ветерок от воды, деревянные беседки и сочная зеленая трава, по которой дети смогут бегать босиком.

В субботу гостей оказалось совсем немного — всего шестеро, включая самого именинника Фрэнка. Видимо, замкнутость мальчика дала о себе знать. Для меня, привыкшего к огромным, шумным праздникам на десятки человек, такая камерная, тихая обстановка была в новинку. Всё обещало быть намного спокойнее, чем обычно, но именно это мне сейчас и было нужно.

Нэнси попросила нас с Тони внимательно присматривать за ребятами: совсем рядом была открытая вода, а невысокий деревянный забор вряд ли стал бы серьезной преградой для любопытного ребенка. Взрослому там было от силы по пояс, но для десятилеток водохранилище представляло реальную опасность. Сегодня мы отвечали за них вдвойне, так как не все родители смогли прийти на праздник.

Что ж, ребята уселись за стол. Настало время поздравлений. Я прекрасно понимал, что этот праздник не должен быть излишне шумным или пафосным. Фрэнк был совсем не из тех мальчишек, кто любит кричащие лозунги — он был спокойным парнем, рассудительным явно не по годам. Пока дети увлеченно общались между собой, я еще раз сверился

с записями плана.

Я кивнул Тони и неспешно подошел к детскому столу. Гул голосов постепенно стих, мальчишки с любопытством уставились на меня.

— Ребята, давайте начнем. Послушайте меня внимательно.

Маленькие гости тут же замерли. Фрэнк сидел во главе стола, чуть ссутулившись, явно смущенный таким пристальным вниманием.

— Сегодня у Фрэнка важный день, — начал я, поймав прямой взгляд мальчика. — Ему исполнилось десять. Это серьезная, большая цифра. Вы знаете его лучше, чем я, и сами видите, какой он уже взрослый и рассудительный.

Я выдержал короткую паузу, подбирая те самые слова, которые сам больше всего на свете хотел бы услышать в своем детстве.

— Самое важное, что я хочу сказать тебе, Фрэнк: те, кто пришел к тебе сегодня — твои настоящие друзья. Им по-настоящему интересно быть с тобой. Никогда не переживай, что гостей немного. Ты должен знать: людей, которые будут ценить тебя по-настоящему, в этой жизни всегда будет мало. Поэтому ты уже богат, Фрэнк. Ты собрал вокруг себя только лучших. С днем рождения!

Я искренне улыбнулся, глядя на них. Дети взорвались дружными аплодисментами и наперебой начали поздравлять именинника. Заметил, как наконец расправились плечи Фр-

энка и как в его глазах исчезла тень секундной неуверенности. Мальчику просто жизненно нужны были эти слова, чтобы понять — он не одинок, он ценен в этом мире.

Глядя на счастливого Фрэнка, я впервые почувствовал, как внутри меня самого, в том самом месте, где целый месяц зияла лишь выжженная черная пустота, наконец-то стало чуть теплее. Жизнь медленно возвращалась.

После обеда ребята с криками отправились на поиски соковищ. Два часа активной беготни по парку здорово их вымотали, и наконец наступил долгожданный перерыв — время, когда мальчишки могли просто посидеть на сочной траве и поболтать. Я тоже чувствовал себя полностью разбитым. Энергия всё ещё возвращалась ко мне по каплям, и эта подвижная игра забрала последние физические силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.